

Въ священной исторіи встрѣчаются новыя для учениковъ и трудныя для произношенія названія лицъ и мѣстностей, которыя не легко ими запоминаются и скоро забываются. Для болѣе удобнаго и прочнаго усвоенія учениками этихъ названій полезно употреблять такой приѣмъ: прежде разсказа историческаго событія, въ которомъ въ первый разъ встрѣчается такое названіе, послѣднее набирается изъ подвижныхъ буквъ и выставляется на видномъ мѣстѣ или пишется на классной доскѣ. Набрать буквы можно заставить ученика старшаго отдѣленія. При разсказѣ законоучитель, сказавши это названіе, указываетъ на подвижныя буквы и по нимъ читаетъ названіе. Выставленное названіе остается на своемъ мѣстѣ предъ глазами учениковъ во все время урока. При такомъ способѣ всякое названіе, какъ воспринятое двумя чувствами—зрѣніемъ и слухомъ,—прочно запечатлѣвается въ памяти учениковъ. Когда законоучитель перейдетъ къ занятіямъ другимъ отдѣленіемъ, онъ можетъ заставить учениковъ писать подобныя названія на аспидныхъ доскахъ. Особенно это примѣнимо къ ученикамъ младшаго отдѣленія. Писаніе на аспидной доскѣ трудныхъ названій, напр., Навуходносоръ царь Вавилонскій, будетъ для нихъ самостоятельной работою.

Для лучшаго усвоенія учениками священной исторіи, нужно признать полезнымъ повтореніе преподаннаго по отдѣламъ или частямъ исторіи. Напримѣръ: пройдетъ законоучитель съ учениками младшаго отдѣленія съ сотворенія міра до потопа и повторить; пройдетъ отъ потопа до призванія Авраама и повторить, отъ Авраама до Моисея, отъ Моисея до судей и т. д. Въ концѣ учебнаго года должно повторить все пройденное изъ священной исторіи.

(Продолженіе будетъ).

Священникъ М. Благовровъ.

†

**Бывшій Инспекторъ Астраханской Духовной Семинаріи
статскій совѣтникъ Яковъ Васильевичъ Лебединскій.**

(Продолж. См. №№ 18 и 20 Е. В.)

Оставивъ въ 1896 году по слабости силъ свое любимое занятіе воспитателя и учителя Семинаріи и своихъ отечески любимыхъ питомцевъ, Яковъ Васильевичъ не прекратилъ съ ними духовнаго обще-

ня. Можно сказать, что дальнѣйшая его жизнь и заключалась почти только въ воспоминаніяхъ о дорогой ему Семинаріи. Ничто его такъ не радовало, какъ добрая вѣсть о его питомцахъ, объ ихъ успѣхахъ особенно въ высшихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ; онъ оживлялся и, дѣйствительно, молодѣлъ духомъ, когда не забывали его воспитанники своими посѣщеніями; всякій, побывавшій у него, можетъ засвидѣтельствовать, что въ то время онъ видѣлъ предъ собой не слабаго старца, а энергичнаго, какъ и въ былые дни, воспитателя, принимающаго близко къ своему сердцу всѣ радости и скорби любимыхъ питомцевъ. Напротивъ, когда не было никакихъ вѣстей о его сослуживцахъ и воспитанникахъ, онъ впадалъ въ тоску, былъ мраченъ и нерѣдко слезы на глазахъ его говорили о душевномъ его волненіи; эта тоска по своей любимой Семинаріи, усилившая болѣзнь сердца, при осложненіи съ простудой, и послужила можетъ быть причиной роковой, внезапной кончины многотрудной жизни Якова Васильевича.

Наше описаніе было бы не полно, если бы мы не упомянули о томъ, что покойный Я. В.—чѣ много и съ пользою потрудился для Петровскаго Общества изслѣдователей Астрах. края. Въ 1874 году онъ вмѣстѣ съ другими лицами содѣйствовалъ открытію его (4 Окт.) и со времени открытія состоялъ членомъ-учредителемъ его. И въ своихъ историческихъ трудахъ онъ былъ дѣйствительно, какъ выразился одинъ изъ почитателей его памяти, «старѣйшимъ изслѣдователемъ Астраханской старины».

Смерть Я. В.—ча послѣдовала, какъ сказано выше, 11 Августа; въ тотъ же день вечеромъ сыновьями его—священниками Казанской церкви Вл. Лебединскимъ и Гостинно-Николаевской церкви о. Василиемъ отслужена была по немъ первая панихида. На слѣдующій день панихиды совершались непрерывно съ 8 часовъ утра и до позднаго вечера въ присутствіи сослуживцевъ и почитателей покойнаго. Въ этотъ день первую панихиду совершалъ протоіерей о. И. М. Туберовъ, настоятель церкви Казанской Божіей Матери, въ приходѣ которой скончался Яковъ Васильевичъ; въ тотъ же день были отслужены панихиды священнослужителями, глубокопочитавшими покойнаго и его воспитанниками: Инспекторомъ Астраханской Духовной Семинаріи священникомъ С. А. Покровскимъ, духовникомъ той же Семинаріи священникомъ М. Д. Благодравовымъ, священниками А. Поспѣловымъ,

Т. Березинимъ, С. Соллертинскимъ, І. Летковскимъ, Г. Степановимъ, В. Наслѣдышевымъ, Н. Алимовимъ, С. Буйловимъ и др. Отъ Астраханскаго Духовнаго мужскаго училища возложенъ былъ на почившаго вѣнокъ рядомъ съ вѣнкомъ отъ дѣтей и внуковъ. Вечеромъ того же дня священникъ А. К. Поспѣловъ положилъ почившаго въ гробъ. Въ день погребенія 13-го Августа сослуживецъ и почитатель покойнаго Я. В—ча, М. И. Дубровский, бывший учитель Астраханскаго Духовнаго Училища, въ 7 часовъ утра смѣнилъ чтеца псалтири и съ глубокимъ чувствомъ и нескрываемою скорбію сталъ читать псалмы съ положенными при семъ молитвами объ упокоеніи души усопшаго раба Божія Якова съ прежде почившими родственниками его. Въ 8 часовъ утра гробъ съ останками почившаго, несомый почитателями и дѣтьми покойнаго, направился къ храму Казанской Божіей Матери, гдѣ собрались многіе сослуживцы и почитатели Якова Васильевича. Послѣ божественной литургіи, которую совершали духовникъ Семинаріи, священникъ М. Благодеровъ, Г. Степановъ и С. Буйловъ, предъ началомъ погребенія Инспекторъ Астраханской Духовной Семинаріи священникъ С. Покровский произнесъ слѣдующее прочувствованное слово: *«Подвигомъ добрымъ подвижася, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохомъ. — Предъ настоящимъ гробомъ невольно приходятъ на память сіи слова, сказанныя Апостоломъ языкомъ о себѣ, незадолго до своей кончины.*

Предъ нами, братіе, лежитъ во гробѣ бездыханное тѣло человѣка, имя коего извѣстно во всѣхъ градахъ и весяхъ нашей губерніи и даже за предѣлами ея среди учащихъся и учившихся въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Болѣе 35 лѣтъ покойный училъ и воспитывалъ духовное юношество, приготовляя его къ великому дѣлу служенія церкви Христовой и тысячи его учениковъ, здравствующихъ нынѣ или уже почившихъ, подобно своему учителю, многимъ обязаны приснопамятному боярину Якову.

Начавши свою дѣятельность по воспитанію и обученію въ мѣстномъ духовномъ училищѣ, онъ продолжалъ ее и закончилъ въ духовной семинаріи, удѣляя часть свободнаго времени отъ службы и на преподаваніе въ епархіальномъ женскомъ училищѣ.

Въ Семинаріи, которой онъ служилъ всего болѣе, дѣятельность его была разнообразна: не было, кажется, такой отрасли службы въ

семь заведеніи, которой бы онъ не посвящалъ своихъ силъ: былъ онъ и секретаремъ Правленія, и библіотекаремъ, временно управлялъ Семинаріей въ качествѣ ея начальника, нѣсколько разъ; но болѣе всего и прежде всего былъ преподавателемъ и воспитателемъ. Въ началѣ своей службы онъ излагалъ учащемуся юношеству судьбы различныхъ государствъ и народовъ, между коими и судьбу нашего отечества, причемъ особенно вниманіе обращалъ на судьбу мѣстнаго Астраханскаго края, со времени присоединенія его къ Русскому государству; выдающимся событіямъ и лицамъ, принимавшимъ въ нихъ участіе; онъ посвящалъ цѣлыя изслѣдованія, съ которыми знакомилъ любителей науки въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Затѣмъ отъ изслѣдованія судебъ земныхъ царствъ онъ перешелъ къ изученію Евангелія царствія небеснаго, слова жизни, въ коемъ заключены *путь и истина и жизнь* (Іоан. XIV, 6), поучая и разъясняя своимъ ученикамъ по разуму церкви, въ лицѣ ея вселенскихъ учителей, ученіе Господа нашего Иисуса Христа, утверждая ихъ въ той мысли, что *иже отру иметъ Евангелію, спасенъ будетъ, а иже не иметъ отру, осужденъ будетъ* (Марка XVI, 16).

Почившій о. Господѣ собратъ нашъ былъ, однако, не только учителемъ истины, но и творцомъ Евангельскаго закона; половину своего служенія онъ былъ воспитателемъ въ Семинаріи юношей, готовящихся въ пастыри словеснаго стада Христова. Велико и многотрудно дѣло воспитанія вообще, но еще труднѣе и отвѣтственнѣе дѣло воспитанія юношества духовнаго, готовящагося быть свѣтомъ міра, солью земли. Оно требуетъ отъ воспитателя безукоризненности его собственнаго поведенія, любви къ воспитываемымъ и терпѣнія. Какъ извѣстно, ничто не дѣйствуетъ на людей такъ, какъ примѣръ, а тѣмъ болѣе примѣръ лицъ высшихъ по положенію, старѣйшихъ по возрасту. По этому всѣ недостатки, незамѣтные лицу, коему они свойственны, замѣчаются легко со стороны молодыхъ людей, со свѣжими впечатлѣніями и чувствами; и эти недостатки воспитателя роняютъ и унижаютъ его значеніе въ глазахъ воспитываемыхъ и ослабляютъ его доброе вліяніе на нихъ. Любовь къ воспитываемымъ есть непремѣнное условіе благоплодности самого воспитанія, потому что она побуждаетъ внимательно входить въ нужды питомцевъ; во всѣхъ вообще и каждого въ отдѣльности, тѣмъ болѣе, что въ жизни каждого человека, взрослога,

а тѣмъ болѣе юноши, встрѣчается часто горе и горе великое, когда слово участія и ободренія особенно со стороны воспитателя можетъ спасти молодость отъ шага поспѣшнаго и необдуманнаго. Любовь же позволяетъ и научаетъ воспитателя въ потребныхъ случаяхъ срастворять правду милостью, строгость снисходительностію. Терпѣніе есть плодъ любви и необходимо особенно для воспитателя потому, что дѣтскій и юношескій возрастъ вообще склоненъ къ рѣзвости и шалости, часто безобидной, но при отсутствіи разумнаго и своевременнаго руководительства со стороны старшихъ, переходящей въ нежелательную привычку и наклонность къ разсѣянности и легкомыслію. На воспитателѣ лежитъ задача различить свойство проступка, вызваннаго рѣзвостію, чтобы отнестись съ терпѣніемъ къ проступку одного рода и обратить строгое вниманіе на проступокъ другого рода,носящій на себѣ отпечатокъ худыхъ навыковъ въ воспитываемыхъ. При всемъ томъ отъ воспитателя требуется великая осторожность въ каждомъ словѣ и дѣлѣ по отношенію къ воспитываемымъ, великое самообладаніе въ потребныхъ случаяхъ, такъ какъ иногда одно неосторожное слово или движеніе можетъ имѣть тяжкія послѣдствія какъ для воспитателя, такъ и для воспитываемыхъ.

И вотъ столь трудный подвигъ и отвѣтственное служеніе несъ въ теченіе почти двухъ десятковъ лѣтъ приснопамятный рабъ Божій Іаковъ. Много, конечно, испыталъ онъ волненій душевныхъ, а подчасъ и тяжкихъ мукъ при исполненіи своихъ обязанностей, находясь „въ трудѣ и бдѣніи“, и не единожды обращался къ Господу Богу съ *воплемъ крѣпкимъ*, но и съ твердою вѣрою на помощь въ несеніи возложеннаго на него подвига. И Господь внималъ его молитвѣ: по милости Божіей онъ дожилъ до *старости доброй*, украшенный знаками отличія отъ Высшаго Начальства и почитаемый съ любовію своими питомцами, которые сохраняютъ о немъ память, какъ о добромъ воспитателѣ, всегда и вездѣ. Это служить лучшимъ свидѣтельствомъ, что почившій имѣлъ въ достаточной мѣрѣ всё желаемыя для воспитателя, указанныя выше качества—и незазорную жизнь, и любовь къ своимъ воспитанникамъ, и терпѣніе. Безъ сомнѣнія, какъ человекъ немощный, онъ имѣлъ и недостатки въ теченіе долговременнаго житія своего, допускалъ и ошибки во время продолжительнаго и многотруднаго служенія, но эти недостатки и ошибки, грѣхи юности и не-

вѣдѣнія, вѣруемъ, проститъ ему Господь Богъ ради трудовъ, понесенныхъ имъ на пользу церкви Христовой, для коей онъ воспитывалъ служителей, ибо, по неложному слову церкви, *„мсть человѣкъ, ниже живъ будетъ и не согрѣшитъ“*.

Помолимся, братіе, Господу Богу, Чье слово и законъ, возвѣщала почившій своимъ ученикамъ словомъ и дѣломъ, да проститъ Онъ благодатію и щедротами Своего человеколюбія вся согрѣшенія вольная и невольная рабу Божию Іакову и *учинитъ его въ мсть святую, въ мсть злечивую, въ мсть покойную, отъмудуже отъбъже всякая болѣзнь, печаль и воздыханіе“*.

Самое погребеніе совершалъ Протоіерей И. М. Туберозовъ при участіи 14 священнослужителей. Многіе почитатели покойнаго и ученики изъ священнослужителей не могли принять участія въ молитвахъ по случаю неучебнаго времени, равно и воспитанники Семинаріи, бывшіе его питомцы. Въ концѣ погребенія бывшій ученикъ Якова Васильевича, кнѣ студентъ Казанской Духовной Академіи А. А. Воронцовъ произнесъ задушевную рѣчь слѣдующаго содержанія: Прими, добрый воспитатель—наставникъ, послѣдній привѣтъ отъ твоего питомца! Хотѣлось мнѣ лично повидѣться и побесѣдовать съ тобой; но Господь судилъ иначе. Тебя застигла смерть, совершенно неожиданная для всѣхъ, знавшихъ тебя. *„Вчерашній день бесѣдовалъ съ вами, и внезапно найде на мя страшный часъ смертный“*, такъ могъ бы ты сказать о себѣ словами церковной пѣсни, которая скоро раздастся надъ твоимъ гробомъ. Позволь же твоему ученику теперь, надъ твоимъ бездыханнымъ тѣломъ, въ послѣдній разъ обратиться къ тебѣ съ словами признательности. Вѣрю вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ народомъ, что «сердце сердцу вѣсть подаетъ», вѣрую вмѣстѣ со всею православною церковью, что душа твоя невидимо витаетъ теперь здѣсь, около своей земной храминны,—и слышитъ душа твоя всякое доброе слово, какимъ поминаютъ тебя живые,—и отраднѣе и легче становится ей, когда добромъ поминаютъ тебя.

Болѣе тридцати пяти лѣтъ ты служилъ дѣлу воспитанію духовнаго юношества,—и большую часть этого времени посвятилъ на служеніе нашей родной Астраханской Семинаріи. Много перемѣнъ произошло за это время: мѣнялся внутренней строй и уставъ Семинаріи, измѣнялся вѣншній видъ ея, смѣнялись начальники и наставники; не

одна сотня воспитанниковъ прошла духовную школу и вступила въ самостоятельную жизнь на служеніе церкви и отечеству, уступая свое мѣсто другимъ питомцамъ. Ты былъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ переменъ,—былъ какъ бы живой исторіей нашей Семинаріи, такъ что намъ даже трудно было представить Семинарію безъ тебя, или тебя безъ Семинаріи. Но ты не былъ только холоднымъ, безучастнымъ зрителемъ происходившихъ переменъ: ты жилъ одною жизнью съ Семинаріей,—радовался ея радостями, скорбѣлъ ея печалами. Всѣ твои питомцы знаютъ и помнятъ, какъ тебя радовали успѣхи и доброе поведеніе твоихъ воспитанниковъ,—и какъ горячо и съ какимъ прискорбіемъ ты указывалъ имъ на нежелательныя упущенія въ ихъ учебныхъ занятіяхъ или на недостатки въ поведеніи. Но у тебя было доброе и отходчивое сердце: нерѣдко послѣ строгаго отеческаго выговора и внушенія виноватому воспитаннику, ты тотъ часъ же прощалъ его и отпускалъ безъ всякаго наказанія, снисходя къ его юнымъ годамъ и видя въ немъ сознаніе своей вины; въ тебѣ не было злопамятности или мстительности,—ты никому не вредилъ. Вѣруемъ, что этимъ незлобіемъ и простотою сердца покроются многіе изъ грѣховъ твоихъ.— Ты не забывалъ своихъ воспитанниковъ и тогда, когда они оставляли Семинарію и вступали въ самостоятельную жизнь; особенно радовался ты на тѣхъ изъ твоихъ питомцевъ, которымъ Господь привелъ поступить въ высшую духовную школу. Не забуду того, какъ одинъ семинаристъ возвратился послѣ лѣтнихъ каникулъ и привезъ тебѣ поклонъ отъ одного далекаго и давняго ученика твоего, который въ то время былъ уже Смотрителемъ Духовнаго Училища, а теперь занимаетъ еще болѣе высокой и отвѣтственный постъ Ректора Семинаріи: помню, какъ ты радостно оживился,—какъ утѣшительно было для тебя слышать о служебныхъ успѣхахъ твоего ученика и принять отъ него далекой заочный привѣтъ. Съ другой стороны, съ какой скорбію ты принималъ вѣсть о томъ, что тотъ или другой изъ учениковъ твоихъ оказался въ жизни плохимъ и недостойнымъ человѣкомъ: иногда достаточно упомянуть только имя этого человѣка, чтобы лицо твое покрылось печалью. Помню, за годъ до окончанія нами семинарскаго курса, пришли къ тебѣ прощаться выпускные воспитанники; ты давалъ имъ свои послѣднія жизненныя наставленія и, между прочимъ, говорилъ: «Пожалуйста, ужь поддержите доброе имя нашей Семина-

рин, оправдайте наше довѣріе къ вамъ; а то вѣдь вотъ» ... и при этомъ ты со слезами назвалъ фамилію одного изъ бывшихъ питомцевъ Семинаріи, который своею несчастною слабостію загубилъ свою семейную жизнь и общественное положеніе. Вотъ, наконецъ, послѣ долголѣтней службы ты сталъ чувствовать утомленіе и рѣшился, хотя и со скорбію, оставить свою любимую Семинарію. Мы были твоими послѣдними воспитанниками, которымъ привелось всѣ шесть лѣтъ семинарскаго обученія провести подъ твоимъ руководствомъ; помню, какъ ты былъ глубоко тронутъ, какъ отечески-сердечно бесѣдовалъ и прощался съ нами, когда мы пришли къ тебѣ и просили принять отъ насъ на память нашу фотографическую группу. Знаемъ мы, какъ ты потомъ тосковалъ въ разлукѣ съ Семинаріей, съ которой такъ сжилась и срослась душа твоя, какъ ты былъ радъ и оживлялся, когда твои прежніе ученики навѣщали тебя, бесѣдовали съ тобою о своихъ учебныхъ занятіяхъ и своими разговорами какъ-бы снова переносили тебя въ прежнюю знакомую и дорогую твоему сердцу жизнь нашей Семинаріи.

Прости же, добрый, незлобивый старецъ воспитатель! Мы, ученики твои, по юношескому легкомыслію дозволяли себѣ иногда злоупотреблять твоимъ незлобіемъ и сердечною простотою; прости намъ эту вину теперь, какъ не разъ ты прощалъ насъ при жизни своей! А мы всегда будемъ молиться за тебя; помянуть тебя сослуживцы твои, помолятся о тебѣ сыновья твои у Престола Божія; услышать о твоей кончинѣ твои многочисленные питомцы-священники, и всякій изъ нихъ помянетъ тебя добрымъ словомъ и молитвою. Да освѣтятъ твой путь къ страшному престолу Господа славы Ангелы небесные, и святые угодники Божіи, и да укрѣпятъ они твою душу для добраго отвѣта на судъ Христовъ. А теперь, прежде чѣмъ твое бездыханное тѣло окончательно скроется отъ глазъ нашихъ и отправится въ послѣдній земной путь, чтобы поселиться въ вѣчный домъ свой, — мы воздадимъ ему послѣднюю земную почесть, послѣдній знакъ, братской и сыновней любви и уваженія. *„Приндите, послѣднее званіе дадимъ, братіе, умершему благодаряще Бога: сей бо оскудѣ отъ сродства своего и ко гробу тащется, не потому искійся о суетныхъ и многострастной плоти. Гдѣ нынѣ сродники же и друзи? се разлучаемся: его же упокоити, Господу помолимся“.*

(Окончаніе будетъ).